

Джаззат Райзи

ЗАБАВНЫЕ ГОСТИ

„Детская Литература“

Джаудат Райзи

За савл
ет

ет

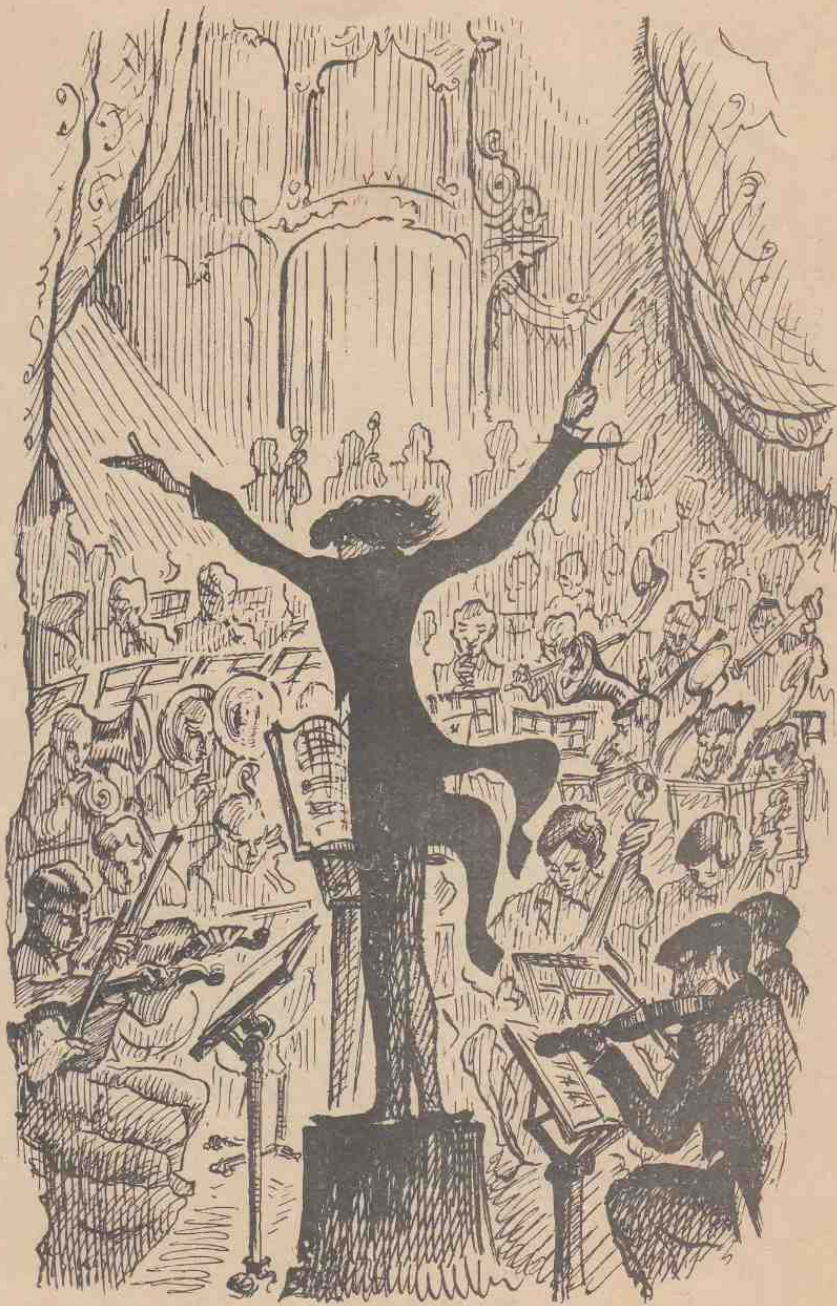
Сказка о музыкальных
инструментах

Перевел с татарского
Юрий Полушкин

Рисунки И. Кабакова

Издательство
"Детская
литература"
Москва 1968г

удрый маленький читатель,
Я с тобою говорю, —
Эту книжку, мой приятель,
От души тебе дарю.

Прочитаешь до конца,
До последнего словца —
И поймёшь ты без подсказки,
Где тут был, а где и сказки.

* * *

Как-то раз в субботу летом
Взял отец в театр Ахмета.
Я скажу вам не тая,
Что Ахмет — это я.

А на сцене — будто праздник —
Серебро и медь!
Столько труб и скрипок разных —
Трудно рассмотреть!

А на сцене — музыканты
В чёрное одеты,
А в руках у музыкантов
Странные предметы.

Их разглядывал я долго:
Вот один сидит с двустволкой,

А другой, высок и стар,
Обнял медный самовар.

Всё блестит в сиянье света,
Не найти свободных мест.
И отец сказал, что это —
Симфонический оркестр.

Кто-то вдруг из полумрака
Вышел медленно на свет. . .

Дирижёр!

Он в чёрном фраке —
Он, как ласточка, одет.

Вот он руку протянул,
Тонкой палочкой взмахнул —
И, воздушны и легки,
Сразу ожили смычки.

И поплыл я Морем Звуков
На волшебном корабле
По горам, речным излукам,
По воде и по земле. . .

Звуки льются, звуки тают,
Высоко они взлетают
И до сердца долетают
Очень ласково.

Скрипки нежные стихают,
Трубы медные вздыхают —
И молчу я, очарован
Чудной сказкою.

Всё на свете я забыл
И на миг глаза закрыл.

. . . Появились из тумана
Лес дремучий и поляна.
Солнце льёт свои лучи,
Меж корней звенят ключи.

Трубы грустное запели —
Птицы к югу улетели,
Осыпается листва,
Засыхает вся трава.

И по лесу бродит буря,
От лиловых туч черно...
Я сижу, глаза зажмуря,
Только вижу, как в кино.

На душе светло, приятно.
Не могу понять всего,
Но несёт меня куда-то
Этих звуков волшебство.

Что со мной случилось, что же?..
Зал как будто без границ...
Тут вспорхнули все ладоши,
Словно стая белых птиц.

* * *

Мы с отцом пришли домой.
Я скорей пиджак долой,
Сел с тетрадкой на кровать,
Стал я скрипку рисовать.

Дотемна сидел, а всё же
Получилось непохоже.
Только медная труба
Получилась без труда.

* * *

Лёг я спать, а мне не спится.
Плачут скрипки вдалеке,
Дирижёр летит, как птица,
С лёгкой палочкой в руке...
С лёгкой палочкой в руке...

Льётся лунный свет на штору.
Час прошёл иль полчаса?
Вдруг... шаги по коридору.
Слышу чьи-то голоса.

Не видать кругом ни зги —
Только шёпот и шаги.

Кто там ходит?
Кто там бродит?
Кто-то книжный шкаф задел,
Кто-то шепчет на комодё,
Кто-то в форточку влетел,
Кто-то свет зажжёт. . .
Стали все они в кружок.

И, сверкая чёрным лаком,
В наступившей тишине,
Однокрылый и трёхлапый,
Подошёл Рояль ко мне:

— Добрый вечер, мой Ахмет!
Ты прими от нас привет.
Мы знакомы — ты и я,
А они — мои друзья.

Эй, коллеги, не спешите
Вы все вместе!
Вы, коллеги, подходите
Честь по чести.

Я поднялся, сел в постели.
Вот так чудо, в самом деле!
Я во все глаза смотрю,
Ничего не говорю. . .

* * *

И тотчас детина дюжий
Появился предо мной —
Долговязый, неуклюжий
И с понурой головой:

— Ты меня, малыш, не бойся,
Не волнуйся, успокойся
И не прячь сонливых глаз —
Познакомимся сейчас.

Контрабас я,
Кон-тра-бас-с-с
Ростом вышел
В самый раз!

Имя всем моё известно,
Знаменит я повсеместно,
Я в оркестре — главный бас,
Потому что Контрабас.
Композитор без меня,
Словно всадник без коня.
И уже давно не ново,
Что в оркестре я — основа.

Не сдержав тогда улыбки,
Зазвенели сёстры-скрипки,
Захихикали,
Запиликали:
— Ты — основа? Вот те на!
Сразу видно хвастуна.
Ты — основа?
Это ново!
Разберёмся, кто основа! . .

Но, откашлявшись солидно,
Так продолжил Контрабас:
— Это слышать мне обидно.
Так и быть, прощаю вас.
А для Ахмета, например,
Приведу такой пример:
Если строят новый дом,
Есть фундамент в доме том,
Рухнет дом, хоть он и новый,
Без фундамента тотчас. . .
А в оркестре кто основа?
Я, конечно, Контрабас!

* * *

Кто-то вышел — круглый, толстый,
Словно медный самовар:
— Всё, мой друг, не так-то просто,
Ты — известный самохвал.

Ах, болтливый Контрабас,
Ты, прости, позоришь нас!

Похвалиться — мало проку,
И к тому же ты неправ.
Ты нескромный, как сорока,
Хоть и длинный, как жираф.

Не одна она идёт —
Брата за руку ведёт.

Говорит, в глаза мне глядя:
— Контрабас — наш шумный дядя;
Мне в оркестре каждый рад;
Это — Альт, наш средний брат.

А в углу стоят в сторонке —
Скрипки, младшие сестрёнки.
И заметь, мой друг Ахмет,
Нам на свете равных нет.

И поём мы очень дружно —
Вся скрипичная семья,
А когда для дела нужно —
Басом петь могу и я.

* * *

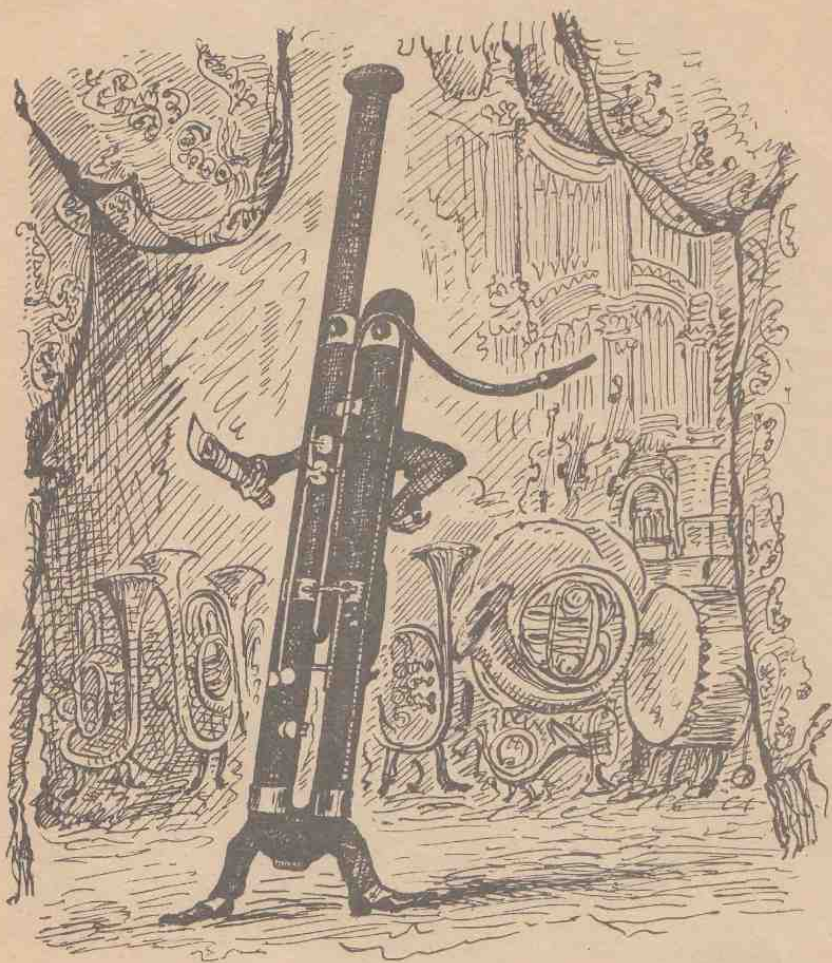
Не пигмей, не великан —
Появился старикан:
— А меня зовут Фагот.
Ну так вот. . .

Все судачат втихомолку,
Что похож я на двустволку.
Но похож на ружьё разве я?
Это попросту фантазия!

Ты запомни: я — Фагот-гот-гот!
Не живу я без забот, вот, вот.

Если в музыке звучит гусиный гогот
Или слышится ворчанье старика —
Обмануть тебя не смогут:
Это я наверняка.
А ещё скажу по дружбе,
Что в оркестре есть три группы, —
Знать, мой милый мальчик, нужно
Непрерменно эти группы.

В первой — вся моя родня,
Нет дорожке для меня —
Это славная когорта деревян-на-я.

А за ней идёт вторая —
Группа медно-духовая.

Третья — точно знаю я —
Вся скрипичная семья,
Называется она — смычково-струн-на-я. —

Тут тарелки зашумели:
— Ты, старик, в своём уме ли?
— Ошибаешься, Фагот,
Всё как раз наоборот!

Но сказал Фагот:
— Я живу не первый год.
Ну так вот!
Вы, коллеги, не звените,
В партитуру загляните. . .
Я недаром мудр и сед,
Я не лгу тебе, Ахмет.

* * *

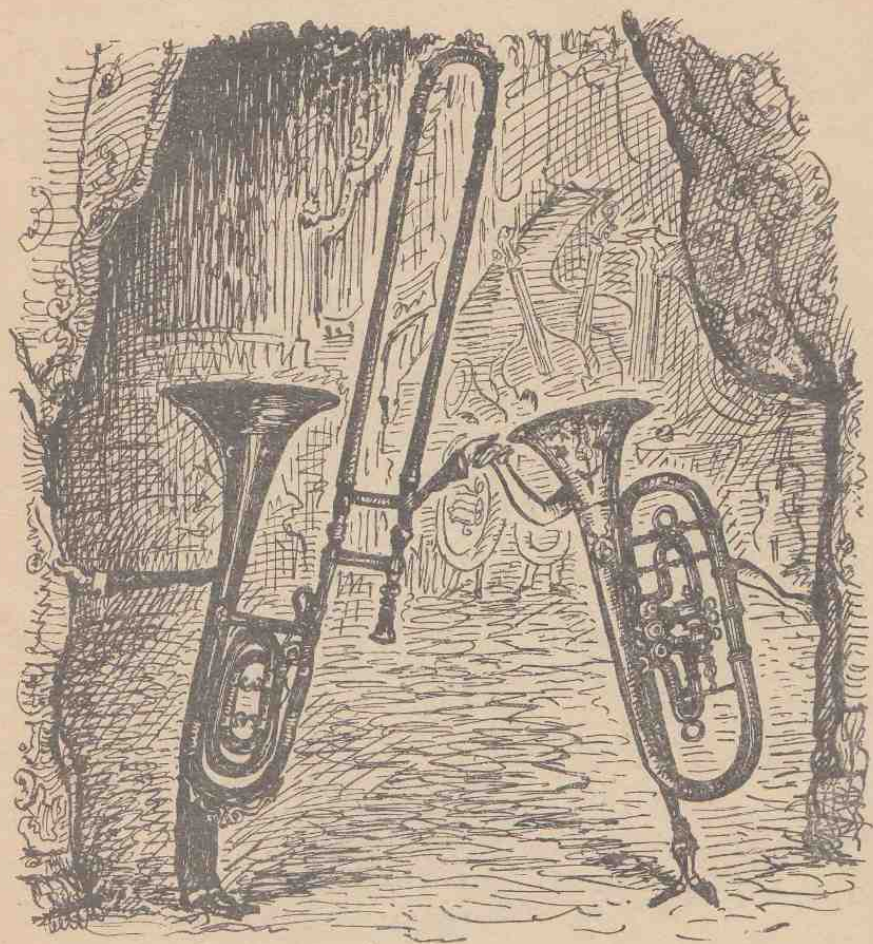
— Что такое — партитура? —
Я застенчиво спросил.
Усмехнулся кто-то хмуро,
А Рояль мне объяснил:

— Расскажу я, добрый мальчик, по порядку:
В пять линеек есть особая тетрадка,
Каждый звук в ней —
В виде нотного значка.
И, Ахмет, запомни это —
Для любого инструмента
В той тетрадке
Есть отдельная строка.

* * *

Кто-то вдруг без церемонии,
Нежных скрипок оттесня:
— А попробуйте симфонию
Вы сыграйте без меня!

Я — Трамбон,
Трах-бом-бом!

Что там скрипки и гобои!
Если мы вдвоём с Трубою,
Если мы с Трубою вместе
В полный голос запоём, —
Всё, что только есть в оркестре,
Заглушаем мы вдвоём. —

И поддакнула Труба:
— Это точно! Без труда!
Затрубим, — Труба сказала.
И Трамбон воскликнул: — Да!

Тру-ба, Тру-ба,
Трам-бон-бон!
Ту-да, сю-да,
Трах-бом-бом!

— Тише, тише, тише, тише, —
Крикунам Рояль сказал, —
Мы и так отлично слышим,
Это — спальня, а не зал.
Тихо ходит у окна
Полуночная луна,
Не шумите, не кричите —
Всё кругом в объятьях сна.

И Трамбон с Трубой тогда
Прошептали: — Вот беда! —
Прошептали и пропали,
Убежали от стыда.

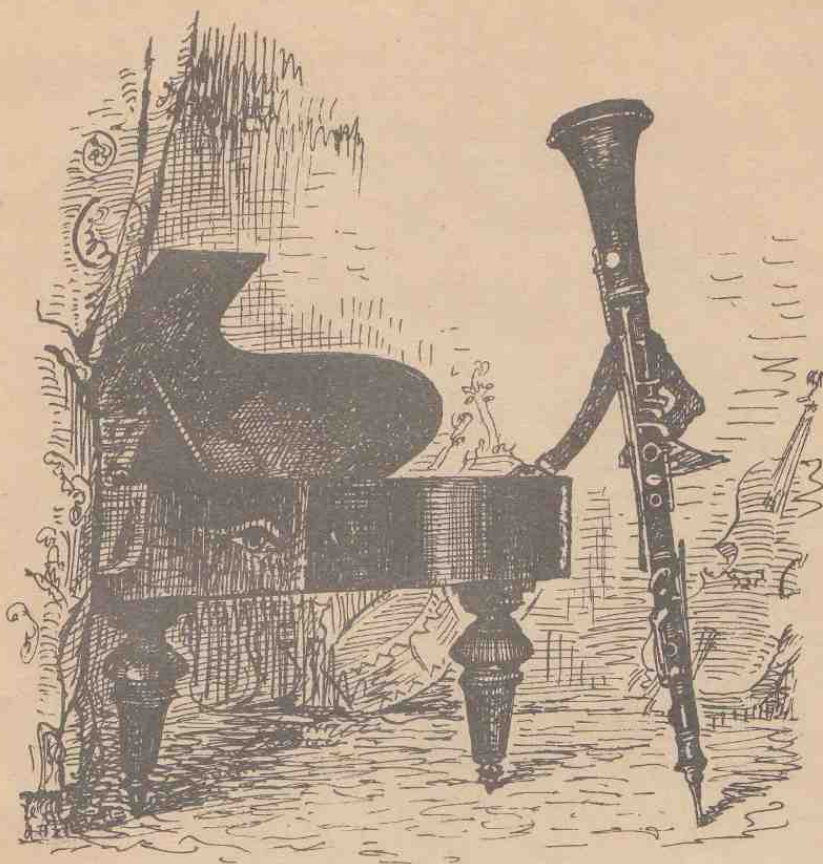
* * *

Вышла дудочка точёная,
Вся изящная и чёрная
— Я на весь известен свет,
А зовут меня Кларнет.

Я играл на поле бранном,
На гулянье массовом.
Был я прежде деревянным,
Стал теперь пластмассовым.

Редким тембром знаменит,
Голос мой, как сталь, звенит.

Но гордиться не годится,
Вспоминать родню свою —

Не люблю болтать-хвалиться,
Лучше я тебе спою:

«Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Спят деревья и поля.
А когда придёт рассвет,
Приходи к нам, друг Ахмет».

Отошёл он чётким шагом,
Как солдатик молодой,
Встал на место, словно в строй,
Вскинув гордо головой.

* * *

Поклонилися мне двое —
Сразу видно, брат с сестрою.
Это — Флейта и Гобой,
Симпатичные собой.

И, нарядная, как лето,
Лёгкая, игривая,
Рассмеялась тихо Флейта —
Девочка смешливая.

И кокетливо спросила:
— Я красива? Я красива!
На меня взгляни, Ахмет, —
Никого прекрасней нет.

Я люблю повеселиться,
Я люблю играть и петь,
А скучающие лица
Не могу, Ахмет, терпеть.

Моя бабушка пастушкой
Была,
Целый век она в деревне
Жила.

Пела бабушка Свирель
На сто дворов,
Только пела для овец
Да для коров.
Я играю и смелей
И нежней —
Никакого нет сравнения
С ней.

Мне порою даже жалко
Бабку бедную мою.
Я, как видишь, горожанка,
И в концертах я пою.

А мой голос — чистый, звонкий,
Словно трели соловья,
Словно пенье жаворонка
И журчание ручья.

Знают взрослые и дети —
Лучше всех пою на свете!

Закричал Барабан:
— Ха-ха-ха!
Это всё чепуха,
Чепуха! —

Флейта бровью повела
И в сторонку отошла.

А Гобой сказал:
— Привет! —
Поклонился: —
Я — Гобой.
И желаю, мой Ахмет,
Познакомиться с тобой.

Не суди меня ты строго,
Не гляди ты свысока —
Говорю я в нос немного,
Простудился я слегка.

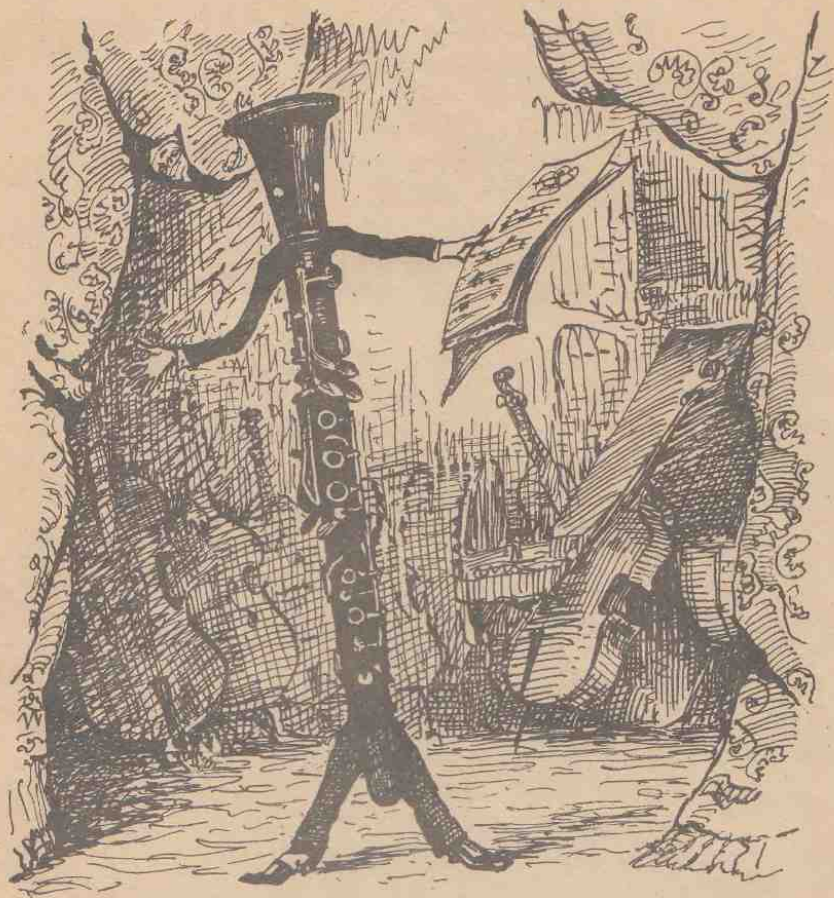
Кто-то хмыкнул: — Вот так чудо!
А при чём же тут простуда?! —
Из угла пропел Тромбон:
— С детских лет гнусавит он!

— Не люблю я шуток странных! —
Глухо вымолвил Гобой. —
Я из рода деревянных,
Я из группы духовой.
Уважает меня
Деревянная родня.

Все меня в оркестре знают;
Голос мой напоминает
Шум дубрав и грусть сердечную,
Рек течение бесконечное. . .

И ещё, мой друг, без спора,
Нужен я как камертон,
И по знаку дирижёра
Всем даю я нужный тон.

Он посмотрит на меня:
«Ну-ка, дайте ноту «ля»!»

И за мною повторяет
Весь оркестр: «Ля! Ля! Ля! Ля!»

* * *

Тут внезапно зашумели,
Загремели три котла.
— Нам пора!
Нам пора!
Ночь уходит со двора.

Ах, семь бед —
Один ответ,
Ты послушай нас, Ахмет!

Два блестящих медных блюда
Друг о друга бьются, бьются:
— Дзинь-дзинь-дзинь!
Ночь мала —
Наша очередь пришла!

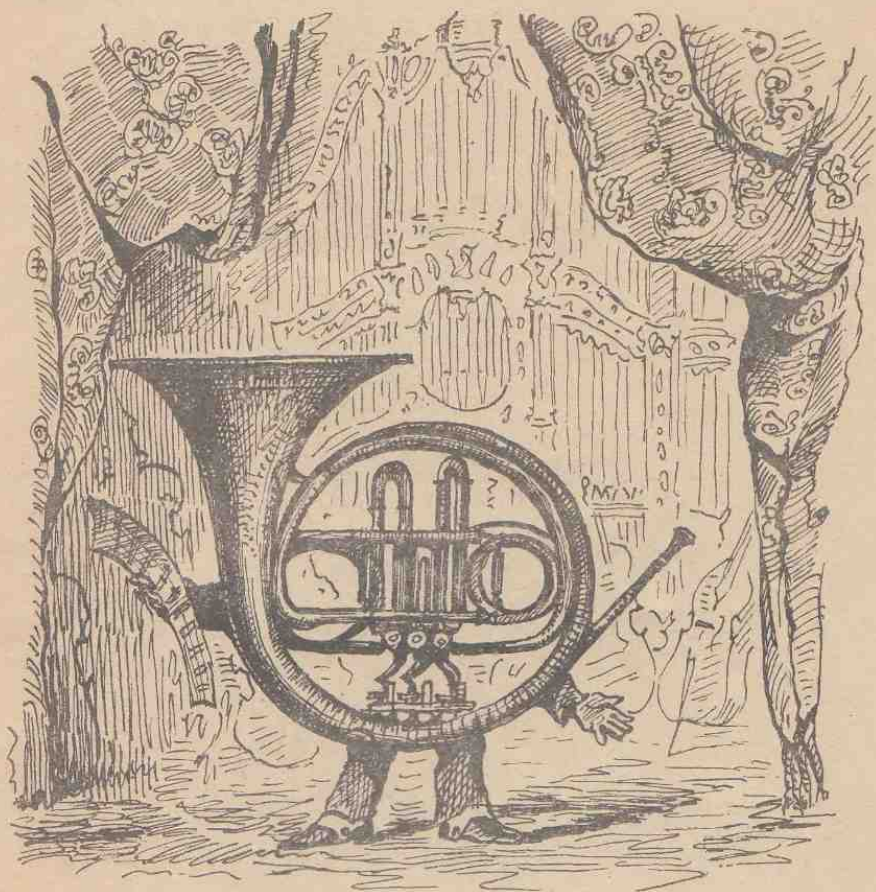
И тогда сказал Рояль:
— Мне вас жаль!
Поднимать не стыдно вам
Шум и гам?!
Вы б, друзья, себя уняли,
Своей чести не роняли.
Поглядите, как покорно,
Как послушно ждёт Валторна.

* * *

И в полголоса, в полтона
Назвала себя Валторна,
Поклонилась раз-другой,
Шаркнув левою ногой:

— Друг Ахмет, в любом оркестре
Роль моя немалая:
Как солистка, как хористка
Часто выступала я.

Знаю много партий трудных,
Это — раз, а во-вторых,
Я поддерживаю струнных,
Унимаю духовых.

Я в оркестре — как диспетчер,
Я дежурю целый вечер,
Медным трубам я — родня.
Очень-очень уважают,
Уважают, обожают,
Никогда не обижают
Композиторы меня.

* * *

- Ах, товарищ пионер, извините!
- Ах, товарищ пионер, разрешите!
- Мы хотели б вам понравиться,
Товарищ пионер!
- Разрешите нам представиться,
Товарищ пионер!

Крикнул я, привстав с дивана:

— Говорите, Барабаны! —

Но смутились Барабаны:

— Мы совсем не Барабаны.

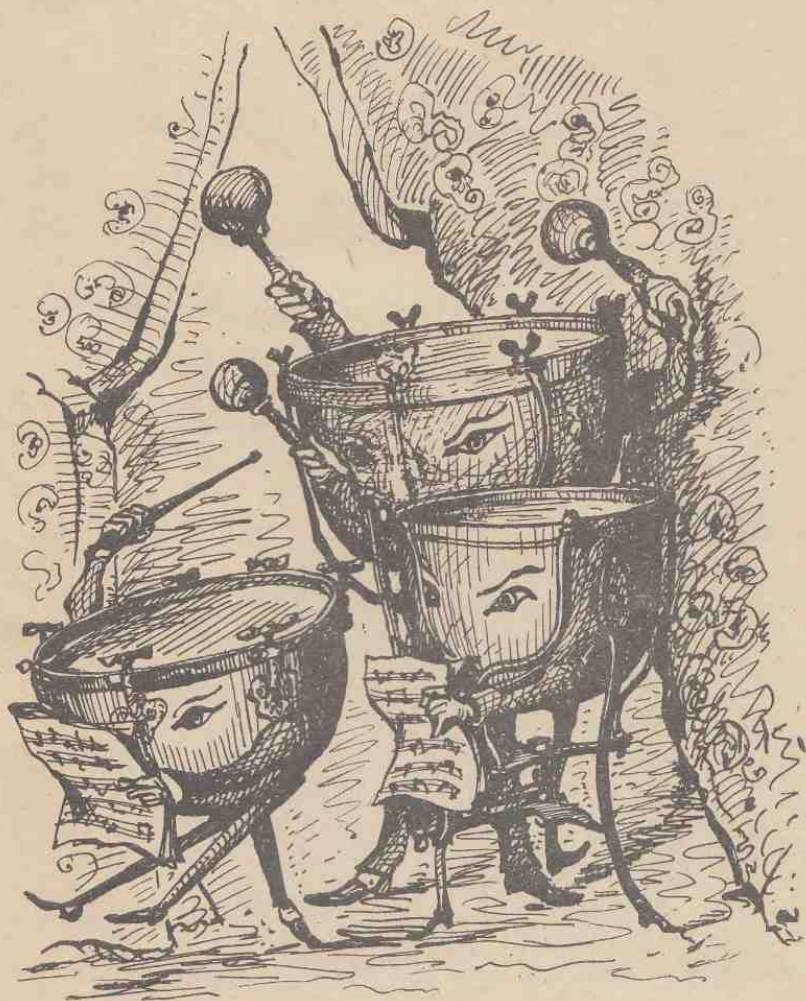
Мы — Литавры-тавры-та,
Барабанам не чета.

Мы другой достойны чести,
Путать нас — огромный грех!
Трое нас, всегда мы вместе,
И по три ноги у всех.

Мы ребята закалённые.
Кожа крепкая, дублёная,
Брюхо медное, дородное,
Мы из рода благородного!

Бом-бом! Бом-бом! —
Раздаётся гром кругом,
Рвутся молнии из тьмы —
Это всё играем мы.

Вот идут, как жар горя,
Тридцать три богатыря —
Грозный шаг, громкий шаг,
Так что гул стоит в ушах.

Барабан играет тише —
Тут, Ахмет,
Сомнений нет.
Мы, Литавры, рангом выше,
Нас не путайте, Ахмет.

* * *

Все затихли, замолчали.
Вдруг тарелки застучали —
Медные,
Тонкие,
Звонкие-
Звонкие.

— Представляться хором будем!
Эй, коллеги, по местам!
Ксилофон, Ударник, Бубен,
Барабан и Тамтам.

Ты запомнил, друг, наверно,
Что в оркестре есть три группы.
Это точно!
Это верно!

Только верно не совсем.
Забывать смешно и глупо —
Есть четвёртая группа.
Знай, Ахмет, это мы,
Это мы — Ударники!
Мы — артисты не бездарные,
Инструменты мы ударные!

Грянул звон
Со всех сторон,
И воскликнул Ксилофон:

— Ах, звени, звените новые
Мои планочки кленовые!
Вы на целом свете лучшие,
Мои планочки певучие!

— Бух-бух, там-там! —
Веселится Тамтам.
А Угольник-Треугольник
Тут и там, тут и там.

— Вот так раз!
Вы без нас?! —
Барабаны вышли в пляс,
Бубен взяли за бока
И сплясали трепака.

* * *

Тут, сверкая чёрным лаком,
В наступившей тишине,
Белозубый и трёхлапый,
Подошёл Рояль ко мне:

— Мы с тобой полночи были,
Ахмет,
Мы не всё тебе открыли,
Ах, нет!

Объяснить тебе, мой мальчик, должен я,
Есть ещё в оркестре группа пятая.
Группа дружная, толковая,
Группа клавишно-щипковая.

Нам всегда почёт и место,
Не шумим, как барабан.
Нас немного — я, Челеста,
Арфа и старик Орган.

Ах, Ахмет, какая милая
Наша Арфа белокрылая!

Шея гибкая, точёная;
За струной звенит струна;
Словно лебедь величавая,
Сквозь оркестр плывёт она!

Я — Рояль, играю часто я,
Знают все меня окрест,
Иногда, скажу не хвастая,
Мне внимает весь оркестр.

Инструмент я поразительный,
Замечательно пою.
За роялем композиторы
Пишут музыку свою.

И признаться мне лестно,
Что во всём мастера
И Орган, и Челеста —
Мои брат и сестра. . .

Все тут речи говорили,
Не смилив задор и пыл,
Все шумели и шутили,
Кое-кто нескромен был.

Но скажу тебе, Ахмет,
Что вражды меж нами нет.

Хоть и спорят, но при этом —
Дружен Контрабас с Трубой,
Дружен Альт давно с Кларнетом,
А с Литаврами — Гобой.

Есть содружество меж ними —
Свято музыке верны!
Все они незаменимы,
Все по-своему нужны.

* * *

Поглядев куда-то вдаль,
Призадумался Рояль:
— Ну, а кто же мы такие
Без людей?
Мы немые и глухие
Без людей.
Мы мертвы без музыканта —
Это нужно понимать!
Без уменья и таланта
И полпесни не сыграть.
Эту ночь нам не забыть,
Друг Ахмет.
Будем мы тебя любить,
Друг Ахмет.

Уж недолго до утра,
Нам давно к себе пора,
Но запомни мой совет:
Слушай музыку, Ахмет!

— До свиданья!
— До свиданья!
— До свиданья,
Друг Ахмет!

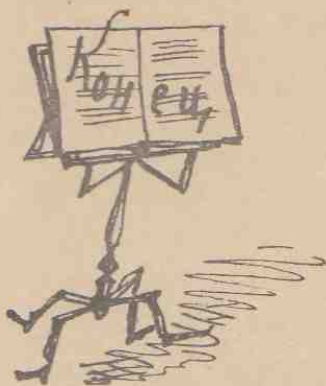
* * *

Я вскочил, протёр глаза...
И пропали чудеса!..

Светят звёзды за окном,
Всё кругом
Объято сном.

Я один сижу в постели.
Тишина!.. Луна в окне.
Гости скрылись, улетели,
Стулья, кресла опустели...

Это было в самом деле
Или всё приснилось мне?!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы прочли первую детскую книгу известного татарского композитора Джаудата Файзи „Забавные гости“ — это своеобразная музыкальная грамота для детей. Здесь в сказочной форме ведётся рассказ об инструментах, составляющих симфонический оркестр.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего возраста

Файзи Джаудат Харисович

ЗАБАВНЫЕ ГОСТИ

Сказка о музыкальных инструментах

Ответственный редактор Р. Д. Кафрелянц. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор О. В. Кудрявцева. Корректор З. С. Ульянова. Сдано в набор 3.XI 1967 г. Подписано к печати 27.XII 1967 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. (Уч.-изд. л. 1,57). Тираж 300 000 экз. ТП 1968 № 402. Цена 8 коп. на бум. № 2. Издательство „Детская литература“, Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика „Детская книга“ № 2 Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ 205.

8 коп

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB